

Пикорка

2—3

Песенка друзьям

Слова П. Кагановой

Музыка В. Витлина

Умеренно

1. Се - год - ня в нашем городе гве.

Ритм оркестра медь фестивалье песню мы будем дружно петь.

с ней слова приве - та пошлем своим друзьям

все друзья за э. то спа

сибо скажут нам! И все друзья за э то спа. си. бо скажут нам!

для окончания

2. Ли - /сибо скажут нам!

Слова см. на 53-й стр.

№ 2—3. Февраль—март 1957 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и
Горкома ВЛКСМ

РОДНОЙ ИЛЬИЧ

22 апреля нынешнего года исполняется 87 лет со дня рождения величайшего гения человечества Владимира Ильича Ленина.

Вся жизнь и деятельность Владимира Ильича — это пример благородного и беззаветного служения Родине, своему народу.

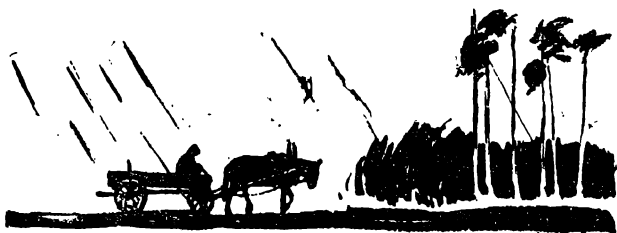
В. И. Ленин — основатель и вождь Коммунистической партии Советского Союза и первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян.

В Ленине воплощено всё лучшее и великое, что есть в нашем народе, — гениальный ум, железная воля, бесстрашие в борьбе с врагами, священная ненависть к рабству и угнетению, революционная страсть, безграничная вера в творческие силы народа.

Вместе со всеми трудящимися и вы, юные ленинцы, будете отмечать день рождения Ленина — эту знаменательную и дорогую для каждого советского человека дату.

На пионерских сборах, на классных собраниях прочитайте рассказ П. Капицы «Товарищ Иванов», стихи В. Азарова, которые мы печатаем в этом номере «Искорки».

Пётр Каница

Рисунки Н. Лямина

Товарищ Иванов

В субботу вечером Иоган запряг коня и поехал на станцию Терискк. Тучи обложили всё небо. Временами со стороны моря налетал такой ветер, что сосны, раскачиваясь, шумели высокими вершинами. Молодой конь то и дело вздрагивал и, навострив уши, замедлял ход. Иогану приходилось слегка подстёгивать его хворостиной.

Привокзальная площадь была освещена тусклыми фонарями. Иоган выбрал место потемней, как просила сестра, и стал ждать поезда.

Ветер не унимался. Начал накрапывать дождь. Парнишка, конечно, мог бы пройти в здание вокзала, где было светло и сухо, но он, накрывшись брезентом, не отходил от повозки: Люли строго наказывала никуда не отлучаться.

Паровоз прогудел вдали, когда уже совсем стемнело. Вскоре показались его огни. Пассажирский поезд подкатил к станции с таким грохотом и фырканием, что конь от страха рванулся с места и понёс. Иоган, ухватившись за гриву, едва удержал испуганного дикаря на краю площади.

Пока парнишка возился с мелко дрожавшим конём и успокаивал его, на площадь высыпали пассажиры. Одни из них пошли пешком, а другие, усевшись на крытые извозчичьи пролётки, укатили под мост в город.

Люли подошла к Иогану, закутанная в дождевик.

— Где же гость? — поинтересовался он. — Не приехал?

— Ладно, помолчи...

Сестра почему-то говорила шёпотом и с опаской поглядывала в сторону освещённого выхода вокзала.

Она села в повозку рядом с Иоганом, и они, не задерживаясь, двинулись в путь по тёмной, покрытой пенистыми лужами дороге.

Люли сперва торопила брата, а потом, когда скрылся из виду вокзал, тронула его за плечо и сказала:

— Не гони, поедем шагом.

Она всё время всматривалась в темноту и прислушивалась, точно ждала погони. Её беспокойство передалось Иогану, он тоже насторожился.

Так они проехали километра два. Темнота ещё больше сгустилась. От ручья и с полей поднимался туман, в низинах он закрывал дорогу.

Дождь перестал накрапывать, только деревья изредка роняли капли на вздрагивающую листву кустарника.

Начался сосновый бор. Здесь дорога была суше. Под колёсами закрипел песок.

У поворота из лесу вдруг вышел человек.

— Люли! — негромко позвал он.

Это был Эйно — муж Люли. Иоган узнал его по голосу.

Как только Люли откликнулась, сразу же из лесу вышел второй человек. Они оба уселись в повозку, и Эйно сказал:

— Поезжай быстрее.

Всю дорогу гости и сестра разговаривали вполголоса.

«Чего они опасаются?» — не понимал Иоган, но спросить не решался, он был самым молчаливым в семье.

Когда они подъехали к дому, на крыльцо вышли мать и отец с фонарём.

Первым с повозки соскочил Эйно. Он поздоровался со стариками и представил им гостей.

— Знакомьтесь... Константин Петрович Иванов.

Иванов сначала подал руку старшим, а потом за руку поздоровался и с детьми. Старики сразу отметили: вежливый человек.

Гости отряхнулись от прилипшего к одежде сена и прошли в дом. Иоган остался распрягать коня.

В доме забренчала посуда, слышался плеск воды. Приезжие мылись с дороги.

Через некоторое время во двор вышел Эйно, а за ним — хозяин дома.

— Кто ваш Иванов будет? — спросил старик.

— Рабочий из Сестрорецка, — негромко ответил зять. — От шпиков скрывается. Укрыть на время надо.

Старик молча отвёл коня в хлев, задал ему корма и, видя, что Эйно не уходит со двора, — стоит в ожидании, неохотно произнёс:

— Ладно, пусть живёт. Места всем хватит.

В большой комнате все сели за стол. Иванов — у стенки, рядом с ним Люли, с другой стороны Эйно. Гость разговаривал слегка прищуриваясь, со смешком. Лоб у него был высокий. Он, видно, дня два не брился: смуглые щёки и подбородок заросли золотящейся щетинкой.

Старик внимательно приглядывался к нему. Одет Иванов был бедно: тёмная рубашка-косоворотка, старенький пиджак с потёртыми рукавами. А по разговорам, вежливости и манерам чувствовалось, что Иванов человек не простой. Всех он называл на «вы» и всякий раз, когда хозяйка подвигала ему пирог или наливала в чашку кофе, благодарил её.

Старик обратил внимание на руки гостя. Они были небольшими, обветренными, но не огрубевшими, лишь кое-где в порах темнели следы неотмытой сажи или мазута. «Видно, токарь, — определил старый финн, — у них работа полегче».

Ел Иванов с таким аппетитом, что хозяину показалось, будто жена сегодня приготовила ужин вкуснее, чем обычно.

«Что же такое этот человек мог сделать? — думалось старику. — За что его хотят арестовать? Наверное, политический, — строил он догадки. — Их всегда преследовали».

Прежде старик работал литейщиком на заводе. Он немало встречал рабочих-революционеров, не боявшихся ни тюрем, ни каторги. Он завидовал их независимости и бесстрашию, но сближаться с ними не решался.

После кофе гости ещё немного посидели. Иванов заго-

ворил о войне, о новом правительстве, которое не лучше царского. Слушать его было интересно. Чувствовалось, что он многое перевидел и многое знает: обо всём имел собственное суждение.

«Пусть живёт. Хороший человек, — решил старик. — Такой на подлые дела не пойдёт».

Утром Иванов забрался в баню, ~~вымылся~~, побрился и сразу стал моложе. Глаза заблестели, глубокие складки у рта разгладились.

— Впервые за этот месяц ночь спал спокойно, — сказал он. — А после бани — словно двадцать лет долой! Прокоптился я у костров. Ведь сколько времени не раздевался!

После обеда Люли с Эйно уехали, а гость остался жить в каморке с отдельным выходом.

Вставал Иванов рано, наскоро завтракал со всеми в кухне и принимался за работу: сидел за столиком и писал. Первое время, когда к нему в каморку кто-нибудь заглядывал, Иванов прятал листки, потом он перестал остерегаться ~~ходясь~~.

Писал он быстро и мелко, свободного местечка на листке не оставлял.

А без газет Иванов, казалось, жить не мог. Двадцатилетний Эдвард каждый день садился на велосипед, мчался на вокзал в Териоки и там покупал все вечерние и утренние выпуски. Газет тогда вы-

ходило много, и Константин Петрович умудрялся их прочитать.

Хозяин приглядывался к гостю и думал: «Что же он ищет в газетах?»

По вечерам, когда Константин Петрович отдыхал у большого валуна, старик подсаживался к нему и заводил разговор о политике. Гость с готовностью объяснял ему непонятное.

«Светлая и мудрая голова, — пришёл к заключению хозяин. — Не похож он на простого рабочего. Чего-то не договорил мне зять».

И старик, работая в поле, с нетерпением ждал вечера, чтобы опять встретиться с Ивановым и потолковать о жизни, о будущем.

Хозяйке тоже нравился своей вежливостью неунывающий и трудолюбивый гость. В еде он не привередничал: похваливал всё, что она готовила, а в тарелке обычно ничего не оставлял. Больше всего ему полюбились финские ржаные пироги. Они пеклись по субботам, но Иванов и в другие дни, лукаво прищурясь, спрашивал:

— Анна Михайловна, а сегодня, случайно, не суббота?

— Суббота, суббота, — с торопливой готовностью отвечала хозяйка и принималась замешивать тесто.

Спутниками во всех прогулках Иванова были хозяйские белобрысые мальчишки — шестилетний Вернер и восьмилетний Эверт. Ребята знали, в какой час Константин Петрович прекращает работу. Они молчаливо сидели на скамейке у дома и терпеливо поджидали его.

Когда Иванов с затуманенными от работы глазами показывался из своей каморки, мальчишки бросались ему навстречу.

Втроем, как закадычные друзья, чуть ли не бегом, они отправлялись в лес или на озеро.

Ребята не умели говорить по-русски, а Константин Петрович — по-фински, и всё-таки они как-то сговаривались, понимали друг друга.

Иванов запомнил слово «пунайнен». По-фински оно означает — красный. Если ему

хотелось поесть брусники, то он произносил только одно это слово, и ребята мчались собирать ягоды.

Веселей всего с Ивановым было на озере. Он любил ловить на червя ёршиков, плотичек и окуней, а когда удить надоедало, то отдавал команду:

— Вэси!

По-фински так называлась вода, но ребята знали: Константин Петрович зовёт купаться. Они сбрасывали рубашки и штанишки на траву, выстраивались с Ивановым на песке и с разбегу прыгали в озеро.

Иногда Константин Петрович вдруг ни с того ни с сего становился задумчивым, оставлял мальчи-

ков загорать на песке, углублялся в лес и, заложив руки за спину, ходил по тропинке, о чём-то размышляя. Но никто не видел Иванова грустным. Всё, что бы Константин Петрович ни делал, он всегда делал с каким-то весёлым азартом. Если собирал грибы, то старался больше других набрать тёмноголовых, крепких, как репка, боровиков. Если косил с хозяином, то так отмахивал косой, что сталь звенела. Если удил на озере, то дотемна.

А как он умел смеяться! Смеялся Иванов всем телом, смеялся до слёз. И любопытный был, как никто ещё в этих местах. Ему надо было знать — кто и как живёт в деревне Якола, о чём думает, кого ругает?

В воскресенье опять приехала из Петрограда Люли.

— О, да вы, Константин Петрович, за эти дни даже поправились! — удивилась она.

— А как же иначе? Друзей у меня много. Кругом раздолье. И работается хорошо, — ответил он. — Здесь я

успел многое сделать. Когда-нибудь приеду к вам отдыхать с женой. Можно будет?

— Пожалуйста.

Отцу дочь опять ничего не сказала об Иванове. И он рассердился на неё за скрытность.

Уезжая, Люли получила от Константина Петровича какие-то письма, спрятала их в книгу, которую читала по дороге, и, прощаясь с матерью, шепнула:

— Мамочка, приглядывай за Константином Петровичем, пусть ему хорошо будет у нас.

— Без тебя знаю, — ворчливо ответила та, — не учи.

На другой день, выбрав поудобней минутку, когда никого вблизи не было, старик подсел к Иванову и в упор сказал:

— Признайся... Ты ведь не Константин Петрович?

— Почему вы так решили? — сощурился, спросил гость.

— А разве я слепой!.. В наших финских газетах часто о вас пишут.

Взгляд у гостя стал острым. Он настороженно всматривался в старика, словно хотел проникнуть в душу, узнать, что тот задумал.

— Ты не бойся, — успокаивающе сказал финн, — живи, сколько хочешь. Я ведь много лет литейщиком был. От меня никто не узнает, что тебя зовут Лениным.

Гость благодарно пожал руку. Это действительно был Владимир Ильич Ленин, которому летом 1917 года пришлось скрываться от шпииков Временного правительства под чужим именем.

Всеволод Азаров

ЧЕТВЕРТЬ века пишет
стихи ленинградский
поэт Всеволод Борисо-
вич Азаров. Его первая
книжка «Мужество» вы-
шла в 1932 году.

В Мае,
в Октябре

и просто в будни,
Собираясь трудовой семьёй,
В праздники
и в испытанных трудных —
Знаешь ты —

Ильич всегда с тобой.
Так уж повелось...

Ведь всё, что свято,
Всё, что стало близким и
родным, —
Радости народа и утраты
Мерю мы равной делим с
ним.

И когда, забравшись на
колени,
Спросит у тебя ребёнок твой:
— Расскажи, отец, каким был
Ленин? —

Ты припомнишь путь наш
боевой,
Жизнь народа и судьбу

народа,
Озарит тебя победный свет,
Грозный свет

семнадцатого года,
Первого в ряду бессмертных
лет.

КОМНАТА В СМОЛЬНОМ

Тысячи прошам за эти годы
В комнату, куда и я иду.
Помнят двери, не забудут
своды
Ленина в семнадцатом году.
Входит ветеран седоголовый
В маленький, рабочий кабинет,
Где стоял с повязкой
кумачовой
Он, боец, на страже новых лет,
Видя у дверей полоску света,
Он хранил вожда бессонный
труд.
Трубка телефонная согрета
Жаром сна, произнесённых
тут,
На друзей глядит с портрета
Ленин,
Будущее зорко увидав.
Здравствуй, боевое поколень!
Здравствуй, юность питерских
застав!

Здравствуй, в красных
галстуках потомство!
А сюда идут, идут, идут,
Как в родной, гостеприимный
дом свой,
Те, чей труден долг и славен
труд.

Гость китайский говорит
с индийским
Гостем, тёмно-бронзовым,
седым:

— В Индии для всех стал
Ленин близким,
И у нас его зовут родным.

Говорит крестьянин из Китая:
— Залпы Октября к нам
принесли
Ленина мечту. Она земная —
Мир и хлеб народам всей
земли.

Разные у нас понятия, речи,
Но его заветы чтим, любя,
Каждый в час желанной
этой встречи
Ощущает в Ленине себя!

Пионерская улица

ЕСТЬ в Ленинграде улица, которая называется Пионерской. Знаете, почему?

...В 1922 году в небольшом четырёхэтажном доме на Большой Гребёцкой появились мальчики и девочки в красных галстуках.

Бывало, загремит барабан, — со всех дворов сбегутся ребятишки посмотреть, как строится пионерский отряд. По четыре в ряд быстро встанут ребята и зашагают вдоль улицы — сначала в одну сторону, потом в другую. Барабанная дробь сменялась песней, а песня — весёлой командой:

— Кто там шагает правой?

— Левой, левой, левой! — отвечали ребята, отбивая шаг.

Ни с каким нынешним отрядом нельзя сравнить этот пионерский отряд. Пионеры шагали с упоением, их лица сияли гордостью. Прохожие останавливались и замирали на месте, провожая их взглядом до тех пор, пока они были видны хоть издали.

Это был самый первый пионерский отряд Петрограда. Его организовали комсомольцы фабрики «Красное знамя». Ребята собирались в клубе им. Тюшина, на Гребёцкой улице; пели революционные песни, учились ходить строем и, собравшись вокруг вожатого, слушали беседы о героях гражданской войны, о Ленине, о первых комсомольцах.

Очень хотелось пионерам чем-нибудь помочь стране. От своих родителей, рабочих и работниц фабрики «Красное знамя», они слышали, что фабрика ещё полуразрушена, её восстанавливают, но рабочих рук мало.

Пионеры пришли на фабрику, в комсомольскую ячейку, и заявили:

— Хотим работать на фабрике!

Комсомольцы не засмеялись, не выпроводили ребят, а очень серьёзно спросили:

— А что вы умеете делать?

— Мы будем подтаскивать к машинам шпульки и материал, — сказали ребята. С тех пор они стали приходить в цех вечерами, после занятий в школе.

Их помощь оказалась очень кстати. Пионеры освободили от этой работы взрослых.

Ребята так хорошо работали, что дирекция фабрики решила наградить их — вывезти всех летом за город.

Тогда ещё не было благоустроенных лагерей. Для жилья раздобыли палатки.

В тот день, когда отряд выезжал из города, ребята поднялись чуть свет. Со всех сторон они бежали к клубу. У каждого через плечо висела походная сумка, справа болталась баклажка с водой, а за поясом торчала деревянная ложка — непременный спутник всех пионерских походов.

Выстроились и отправились пешком на вокзал. На поезде доехали до Ольги-на, а там снова пешком, до самого леса.

Надо сказать, что пионеры того времени всё делали сами: и полянку выбирали для лагеря, и палатки ставили, и обед готовили. Уже спустя много

лет я встретила с одной из бывших пионеров этого первого отряда Ольгой Павловой Михеевой, которая и сейчас работает на фабрике «Красное знамя».

Ольга Павловна с удовольствием вспоминает свой первый лагерь.

— Бывало, ночью, — рассказала она, — когда все уже крепко спят, воздух прорежет пронзительный звук горна. Все моментально вскакивают, одеваются, строятся... Вожатый смотрит на часы и считает минуты — сколько их пошло на одевание, сколько на построение. Кто ещё «продирает» глаза, а кто уже смотрит бодро, готовый в любую минуту выполнить приказ вожатого.

Иногда это была простая тревога, а иногда так начинался далёкий поход.

Закалились ребята за лето, возмужали, а осенью снова вернулись на свою улицу, которую уже спустя много лет называли Пионерской.

На этом можно было бы кончить историю Пионерской улицы. Но совсем недавно мне довелось услышать ещё один интересный случай, связанный с ней.

В 1917 году, сразу после Октябрьского вооружённого восстания, когда уже был взят штурмом Зимний дворец, контрреволюционеры задумали задуть революцию, отнять у восставших власть.

Нескольким офицерам с группой солдат удалось обезоружить часовых, захватить оружие и проникнуть в здание Владимирского училища, которое находилось на бывшей Гребёцкой, ныне Пионерской улице. Но выйти оттуда с вооружёнными юнкерами им не удалось. Пять уцелевших из охраны солдат преградили им путь — легли на землю и стреляли в каждого, кто пытался выйти из двери.

К смельчакам подоспели красногвардейцы, пришла помощь из Петропавловской крепости.

Вдруг откуда-то появилось шестеро мальчишек. Их

прогоняли, они возвращались. Мальчики подтаскивали снаряды - в самую трудную минуту, когда юнкера обстреливали каждый метр, отделявший снаряды от пушки. Только дети могли проползти узкое пространство, куда не попадали пули.

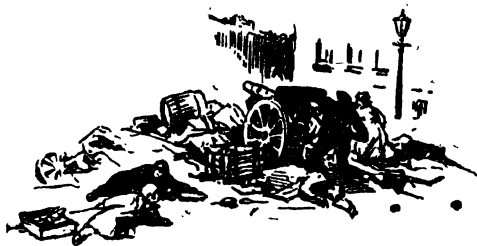
Эту историю рассказал мне один из красногвардейцев, сражавшийся в тот день с юнкерами, Константин Дмитриевич Ильинский. Он до сих пор помнит шестерых маленьких храбрецов с Пионерской улицы.

Кто знает, может быть, и они, эти смелые мальчики, были среди тех, кто пришёл в первый пионерский отряд.

...Вот и вся история улицы, которая находится на Петроградской стороне и называется Пионерской.

Рисунки В. Сердюкова

А. МОИЖЕС

Пионерские памятные даты

13 февраля 1922 года комсомольцы 16-й типографии Краснопресненского района Москвы провели первый сбор первого в Советской России пионерского отряда. В отряд было принято 52 человека.

* * *

В октябре 1922 года V съезд комсомола объединил отдельные пионерские отряды в единую детскую коммунистическую организацию.

23 мая 1924 года на Красной площади в Москве собралось 10 тысяч пионеров, которые дали клятву на верность делу Ленина.

В этот день пионерской организации присвоили имя великого вождя трудящихся Владимира Ильича Ленина.

(Быль)

ПЕРВЫЕ стихи Леониды Ивановича Хаустова появились в газете «Ленинские искры» в 1937 году, когда он был ещё школьником. С тех пор поэт опубликовал ряд книг. Среди них наиболее значительные: «Новоселье» и «Черты биографии». Отдельные его стихи, написанные для школьников, часто появлялись на страницах детских газет и журналов.

В этом номере «Искорки» мы публикуем новую поэму Л. И. Хаустова «Мастер».

В основе поэмы лежит образ вятского мастерового человека. Таких людей немало встречал поэт в детстве на берегах родной Вятки.

История мастерового Фомы подлинная. Работая над поэмой, автор использовал ряд исторических материалов.

Возле берега, где лодки
Кверху днищами лежат,
В горевой глухой слободке
Много лет тому назад
Жил, не солоно хлебавши,
Горя в жизни повидавши,
Как бывало часто встарь,
Человек один — кустарь.
Поднимался он до света
И трудился до зари
И при всём при том при этом

Вымахал в богатыри.
Вот про то у нас и будет
Сказна-быль, верней, рассказ.
На Руси с секретом люди
Часто ходят промез нас.
Делал всякую работу,
Как отец его и дед,
Но имел в душе заботу —
Удивить весь белый свет.
Жил Фома, всегда мечтая
Сделать вещь, чтобы она,
Хоть от Питера считая,
На Руси была одна.
Резал плошки, поварёшки,
Стол строгал, чинил бадью.
А ночами на окошке
Мастерил мечту свою.
Много лет Фома трудился,
Но однажды он с утра
В дальний путь заторопился,
Торбу взял — и со двора.

По Руси шагал великой
 С виду малый человек.
 А догнать его — поди-на,
 Не угонишься вовек!
 Прямо через перелог
 Шёл вдоль сёл и деревень.
 Натрудив к полудню ноги,
 Стдыхать ложился в тень.
 Дёз земного дара лаком,
 Доставал он огурец,
 А ещё, покрытый лаком,
 Небольшой такой ларец.
 И к нему припав щекой, он
 Слушал щёлканье внутри.
 А потом курил, спокоен,
 Дым пуская из ноздри.
 Так не коротко, не долго
 Шёл, как в сказке,
 нужный срок —

И пришёл Фома на Волгу,
 В нижний горёд-городок.
 Покрестился на соборы,
 Похвалил колокола.
 А как раз об эту пору
 В Нижнем ярмарка была.
 Чудо-ярмарка кипела
 Над российской рекой,
 Торговала, ела, пела,
 Била об руку рукой...
 Постоял у карусели,
 Не видав её досель,
 Поглазев на тех, что сели
 За пятак на карусель.
 Господа вокруг и дамы,
 А простого люда — тьма.
 Аж до сумерек до самых
 Всё ходил, смотрел Фома.
 Вот загнутое подковой
 Видит зданье — в окнах свет.
 И достал он рубль целковый,
 Чтобы взять себе билет.
 И умом своим раскинув,
 В надпись вникнув .

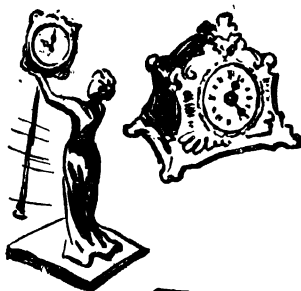
по складам,
 Поднялся он, шапку скинув,
 Как к обедне в божий храм,

И такие, что лупили,
 Словно пушки на войне.
 Вид приборов иностранных,
 Хоть сперва и удивил,
 На простых часах карманных
 Взгляд Фома остановил.
 И спросил он: — Дорогие? —
 А узнав, сказал тогда:
 — Есть у вас часы такие,
 Скажем, легче, чем вода?
 Чтобы на воду без риска
 Можно было их пустить;
 Ну, пускай не в Волгу,
 в миску,
 Чтoб далёко не ходить. —

В храм науки и машины,
 В храм уменья и ума.
 Знать, на то имел причины,
 Знать, сюда и шёл Фома.
 Подивился зорким глазом,
 Разобрался, что к чему,
 И нашёл почти что сразу
 То, что надобно ему.
 Подошёл Фома степенно
 К той витрине на свету,
 А за нею — здоровенный
 Немец с трубкою во рту.
 Стал глядеть Фома с народом,
 Что весьма доволен всем,
 На часы с различным ходом
 Всех родов и всех систем.
 Были тут часы ручные,
 Золотые и стальные,
 Были башни, не часы,
 Стрелки — кайзера усы.
 И с певучим звоном были,
 И с кукушкою в окне,

Удивление заметив,
Пояснил он неспроста:
— Чтоб ходили вот как эти,
Но железа — ни винта! —
Мудрый немец вскинул брови,
Будто взвешивал ответ,
Дал его в коротком слове:
— Найн! — По-русски

значит: — Нет!

И тогда-то вятский мастер —
В том хвала ему и честь —
«Найн», — сказал, — по

вашей части,

А по нашей части — «есть»!
Немец спор вести не хочет:
Лишну выпил — так лежи.
А народ вокруг хохочет:
— Коли есть — так дожи!
— Докажу! Давай посперим!
Душу ставлю об заклад. —
До печёнок раззадорен,
Буркнул немец: — Отшень рад!
И тогда Фома Василич
Из-за пазухи достал
Свой ларец.

И всей России

В ту минуту виден стал.
Появилась тут же вскоре
Миска полная воды.
А народ молву о споре
Повторял на все лады.
Напирая, люди жали,
Точно прячась от грозы.
На руке Фомы лежали
Деревянные часы.

С недоверьем, осторожно
Инстралец принял их.
И народа гул тревожный
Стал вдруг таять и затах,
Ездил немец по столицам,
Вёл для фирмы сотни деа
И, как это говорится,
На часах — собаку съел.
Он часы приблизил к уху,
Слушал несколько минут
И сказал довольно сухо:
— Вас ист дас? Они

идут!.. —

И в огромном светлом зале,
Вместо сотни голосов,
Все как будто услышали
Стрекотание часов.
Немец длинным ногтем ловко
Крышку заднюю раскрыл,
Покрутил часов головку,
Наклонился и застыл.
Что увидел — неизвестно,
Но запомнил весь народ:

Повалился немец в кресло,
 Поднял руки: — О майн
 готт! * —
 Ноги будто бы ослабли...
 А Фома часы схватил
 И, как маленький кораблик,
 В миску плавать опустил.
 И средь тех, кто тут собрался
 Поглазеть на торжество,
 Кто-то крикнуть догадался:
 — Молодец! Качать его! —
 А на завтра все глазели,
 Как среди иной красоты
 На большом щите висели
 Деревянные часы.
 И за труд свой
 беспримерный —
 Не всегда же платят злом —

* О мой бог! (нем.)

Самый лучший, самый
 первый
 Получил Фома диплом.
 И, прощаясь, немец снова,
 Нервно трогая усы,
 Всё просил мастерового
 Уступить ему часы.
 И хоть был не в лучшем
 виде,
 Всё ж Фома проговорил:
 — Прсдавать — никак не
 выйдет,

Не для денег мастерил. —
 И часы его, — творенье
 Золотых рабочих рук, —
 Были взяты на хранение
 В Академию наук.
 А Фома, мужик негордый,
 Но довольный сам собой,
 За плечо закинув торбу,
 Вышел поутру домой.
 Шёл Фома и для забавы
 Набивал малиной рот.
 И не знал того, что слава
 На сто лет ушла вперед!

Рисунки В. Орлова

Рисунки К. Бекташева

(Юмористический рассказ)

ТЕРПЕНИЮ моему пришёл конец. Хватит! — решил я. Перевоспитанием Олега Ласточкина пора заняться серьёзно. Что же это получается: каждый день у него новая история! И все героические! То он во время пожара воду таскал, то выключатель под током ставил, то ещё чего. Подумаешь — герой! А мы — трúсы, что ли? Так прямо ему и скажу: нет ли у тебя, Олег, среди дедушек барона Мюнхаузена? При всех скажу. Не испугаюсь.

Думаете, вру? Честное пионерское. Так и сказал. При всех. Сенька Пёрышкин свидетелем был.

Сидели мы во дворе на брёвнах. Только кончил Олег про свой прыжок с трамплина рассказывать, я встал и говорю:

— Хвастун ты, Олег! Вот и всё. Ничего такого не было, сам выдумал.

— Не веришь? — удивился Олег.

— Не верю, — твёрдо ответил я: Сенька тоже плечами пожал.

Видали бы вы, как Олег рассердился! Соскочил с брёвна, кричит, руками размахивает.

— Да я, честное пионерское, прыгал! Не верите? Раз так, — говорит, — придумывайте мне любое задание — выполняю.

Ишь ты! Задание ему придумывайте! На войне — там можно в атаку или в разведку пойти, в крайнем случае, под танк гранату бросить. А тут что?..

Сенька первым придумал. Ерунду, конечно.

— Переползи нашу улицу на животе, — говорит.

— Это зачем? — Олег только плечами пожал.

И верно, незачем. Это и не героизм вовсе, а глупость. Ещё под машину попадёшь. Нет, надо что-то другое придумывать. И тут в голову мне приходит гениальная мысль.

— Знаешь что! — говорю. — Если уж ты хочешь смелость свою показать, иди в поликлинику, к зубному врачу. Пусть он тебе все зубы вылечит!

Олег даже рот от удивления разинул.

— Так у меня ж зубы не болят, — говорит.

— Вот и хорошо, — отвечаю, — значит, тебе их только посмотрят и всё.

Не понравилось Олегу моё задание. Но молчит, виду подавать не хочет.

— Ладно, — говорит, — пойду к врачу. Только с условием: и вы со мной!

— Зачем? — перепугался Сенька.

— За мной следить: струшу я или нет? Пойдёте?

— Не-ет, — тянет Сенька, — завтра у меня это... как его...

— В общем, ясно, — говорит Олег, — сами испугались.

— Ну уж это, знаете ли...

— Кто, — спрашиваю, — испугался? Не на таких напал. Я пойду. К самому креслу провожу.

С Олегом мы договорились так: завтра же после уроков идём в поликлинику. Скажем, что нас школьный доктор послал. Зубы проверить. Олег пойдёт к врачу, а я его за дверью ждать буду. Выйдет он оттуда, я с ним в гардероб — и домой!

Так мы и сделали. В регистратуре нам номерки дали и сказали:

— Идите, мальчики, на четвёртый этаж, кабинет номер 40. В три часа вас доктор вызовет.

Поднялись мы по лестнице. Вдруг из-за какой-то двери — а-а-а! — как завопит кто-то. У меня даже мурашки по спине побежали. Олег остановился, на меня смотрит.

— Думаешь, это от боли? — спрашивает. — Это от трусости.

— Может, — говорю, — и от трусости. Пошли!

— Обожди, — говорит.

— А чего ждать?

— Успеем. Ещё без трёх минут. — А сам всё по сторонам озирается. На стуле какой-то дяденька сидит. Обвязался платком и раскачивается из стороны в сторону. Туда-сюда, туда-сюда. Как маятник. Ко мне ещё старушка подошла, спрашивает:

— Сыночек, где тут рентген?..

— Не знаю, — говорю, а сам Олега подталкиваю. — Смотри, старушка и та не боится.

— А чего ей бояться, — бурчит Олег, — у неё же ни одного зуба нет.

Пришли мы, наконец, к нашему кабинету. Сели у двери на скамейку. Я всё на Олега поглядываю. «То-то, думаю, отучу я тебя хвастаться». Тут как раз из кабинета докторша выходит, спрашивает:

— Кто тут из школы на осмотр?

— Мы, — говорит Олег.

— Он, — говорю я.

— Ну проходите, — улыбается докторша. — Как раз два кресла свободны.

Я растерялся.

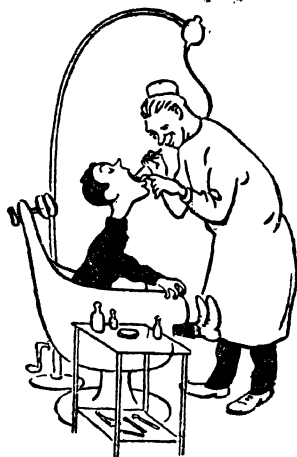
— Не-ет, — говорю, — Олег первый.

Докторша нахмурилась:

— Ну-ну, мальчики, не задерживайте. Раз пришли — нужно входить.

Какое там «входить»! Я же не собирался зубы лечить! Мне-то туда зачем? Глянул на Олега, а он улыбается во весь рот, смешно ему... Нашёл, чему смеяться!

— Не дрейфь, Костя, — говорит, — пошли на пару.

Ох, и ехидина! Ещё и рукой подталкивает...

Вошли мы. Олег сел спокойно, только смеяться перестал. А меня будто кто выталкивает из кресла. Как посмотрю на разные блестящие ножички, сверлышки, так ещё хуже делается. Вот, думаю, влип. К Олегу докторша подходит, а рядом со мной на круглый стул здоровенный дяденька садится.

— Ну-с, — говорит, — молодой человек, сейчас мы посмотрим, много ли вы конфет кушаете.

— Честное слово, не кушаю, — говорю. — Даже шоколадные не люблю.

— И напрасно, — бурчит доктор, а сам мне в рот круглое зеркальце запихивает. — Так... Так... Кариозная полость...

Уф! Ушёл куда-то. Глянул я на Олега, а он уже с закрытым ртом сидит, с докторшей разговаривает.

— Зубы у вас в порядке, — говорит она. — Можете идти. Только чистить зубы каждый день обязательно.

Это уж, знаете, просто не по-товарищески! Олег, значит, домой пойдёт, а мне ни за что ни про что сверлить будут?

Олег с кресла встаёт, а ко мне мой доктор подходит.

— Так-с, — говорит, — молодой человек. Шоколада вы хоть и не едите, а вот дупло у вас есть. Но скоро его не будет. Ну-ка, откройте рот! Так, так пошире...

Берёт он эту свою брормашину.

— Не бойтесь, — говорит. — Вы ничего и не почувствуете.

И, знаете, верно не почувствовал. До того мне самого себя жалко стало, что уж всё равно, сверлят там или не сверлят. Сижу и на Олега злюсь. Чем сильнее жужжит, тем больше злюсь. Просто разрываюсь от злости.

Слышу доктор спрашивает:

— Не больно было?

— Не-е, — мычу.

— Ну, а теперь-то пустяк. Больше сверлить не буду. Сейчас мы дырочку в зубе заштукатурим и можете идти.

Олег ждал в коридоре. Увидев меня, он улыбнулся, но смеяться не стал.

— Молодец! — говорит. — Не кричал, я слышал. Что он тебе делал?

— Пломбу поставил. Временную. Послезавтра велел зайти.

...С тех пор уже три месяца прошло. Ничего — держится. Не смотрит, что временная.

ПАРНИ С ПУТИЛОВСКОГО

*Из истории
комсомольской организации*

ПУТИЛОВСКИЙ завод. Закопченные корпуса. Груды металлической рухляди, горы угля. Краны. Паровозные гудки. Гул машин и станков...

С Путиловским заводом связана моя юность. Здесь в лафетно-снарядной мастерской я работал разметчиком.

На заводе трудились сотни парней и девушек. Они были мало образованы: несколько классов церковно-приходской школы — вот и весь их «университет». Но они обладали честными сердцами, ненавидели царя, капиталистов-хозяев и горели неистребимым желанием бороться за лучшую долю.

Ещё до Февральской революции, в 1916 году, зародилась конспиративная организация молодёжи Путиловского завода. В неё вовлекались проверенные рабочие парни и девушки.

Со многими из них я учился в вечерней школе на Ушаковской улице. Эта школа, которую я никогда не забуду, давала нам партийную закалку, знания, приоткрывала дверь в большой мир.

Павел Васильевич Толстов с юных лет вступил на путь борьбы. Он работал в лафетно-снарядной мастерской Путиловского завода в Петрограде. Принимал активное участие в Февральской и Октябрьской революциях.

Толстов — один из создателей организации рабочей молодёжи в нашем городе, из которой впоследствии возник комсомол.

После революции Толстов был направлен на советскую работу. Он окончил 1-й Ленинградский медицинский институт, защитил диссертацию на учёную степень кандидата наук.

По субботам там собирались не только учащиеся, но и рабочие Путиловского и соседних заводов на литературные вечера. На них выступали поэты и прозаики из рабочих-самоучек.

Школа, конечно, находилась под полицейским надзором, и очень часто на занятиях присутствовал околоточный надзиратель. И всё-таки мы ухитрялись вести революционную работу.

Однажды я встретил в школе паренька с энергичным, живым лицом и резкими, стремительными движениями. Это был Вася Алексеев, один из первых организаторов комсомола. Вася был старше меня года на три-четыре. Он учился в ремесленном училище, а потом поступил работать на Путиловский завод, в пушечную мастерскую.

В нашей школе училась девушка Маруся, за которой Вася ухаживал (она впоследствии стала его женой). И он часто приходил к нам на различные вечера.

После того как Вася меня хорошо узнал, он предложил мне участвовать в распространении нелегальной революционной литературы.

Однажды он сказал:

— Пойдём к одному товарищу.

Он провёл меня в аптеку на Покровской площади и познакомил с фармацевтом.

Фармацевт вручил нам статьи и брошюры революционного содержания.

Эту литературу я принёс в вечернюю школу и роздал товарищам, а они разнесли её по мастерским завода.

Нелёгкое дело — распространять листовки и прокламации! Ведь среди рабочих были провокаторы, к тому же на каждом шагу приходилось остерегаться полицейских сыщиков. И вот мы сделали так, что литература... сама себя распространяла.

На заводе было много кранов. Крановщиков мы хорошо знали. Это были люди степенные, пожилые, семейные, преданные рабочему делу. С вечера на каретки кранов мы укладывали листовки. Ночью ветер разбрасывал их по цехам. Когда утром приходили рабочие, пол белел от листовок.

Полиция сбивалась с ног, но так и не могла понять, откуда за ночь появились революционные листовки и прокламации.

А с полицией и её агентами мы вели постоянную, непрекращающуюся войну.

Помню, работал в нашей мастерской токарь. Чуть что — сразу бежит к мастеру, или в заводоуправление, или в полицейский участок.

Как раз в это время были аресты. Во время допроса в полицейском участке один наш рабочий узнал токаря-provокатора.

Через несколько дней этот токарь как ни в чём не бывало появился в мастерской. Ребята подошли к нему и стали оттеснять к выходу. Испуганный, он стал пятиться назад.

Один шустрый паренёк поставил на его пути тачку. Provокатор упал. Нам только это и нужно было! Мы надели ему на голову мешок и вывезли на тачке во двор. Пока он барахтался в тачке и освобождался от мешка, все разбежались.

Provокатор поднялся и, опустив голову, поплёлся к зданию заводоуправления. Больше в мастерской мы его не видели.

Доставалось от нас и мастерам, которые притесняли рабочих. Из тряпья и фанеры мы делали куклы, похожие на мастеров, и разыгрывали во время обеденного перерыва в мастерской сатирические сценки, в которых продёргивали их.

Молодёжь завода организовала в 1915 и 1916 годах две стачки. Собирались мы тайно, в местах, где нас не

Рис. В. Бундина

могли заметить, — обычно между шрапнельной и тигельной мастерскими, среди гор металлического лома. Здесь мы выработывали требования: уменьшить рабочий день для молодёжи, улучшить условия труда, повысить нашу квалификацию, — ведь юноши обычно по несколько лет ходили в подручных у мастеров!

Каждый день был заполнен не только работой, но и борьбой. И в этой борьбе нашей молодёжью руководили большевики.

Помню, в нашей мастерской работал рабочий-большевик Михаил Иванов, спокойный, выдержанный, серьёзный. Он указывал нам, что и как делать, давал много хороших и полезных наставлений. Мы все его очень уважали. Звали мы нашего старшего друга Мишкой, чтобы сбить с толку полицию. И других руководителей мы звали не по имени и отчеству, не по фамилии, а уменьшительными именами.

Работа и борьба рано закалили нас, сделали не по годам опытными, осмотрительными. Мы, рабочие парни с Путиловского завода, рано стали взрослыми. И это нам пригодилось.

Грянула Февральская революция. Я организовал отряд из 50 человек. Для него потребовалось вооружение. Подождли полицейский участок и взяли там оружие. Настроение у меня и у моих друзей было боевым. Я ходил в те дни с ног до головы вооружённым: на ремне болталась полицейская шашка, на плече — карабин, в карманах — гранаты.

Стал замечать, что хозяин нашего дома — зажиточный лавочник — с неприязнью и опаской поглядывает на меня, хотя раньше он говорил, что считает меня примерным и благовоспитанным молодым человеком. Недоброжелательность домовладельца была мне по сердцу. «Пусть буржуй побаивается!» — думал я.

В это время мы решили организовать клуб рабочей молодёжи — первый рабочий клуб в Петербурге. Договорились с хозяином чайной у Нарвских ворот. Помещение оказалось подходящим. Здесь мы и создали клуб, который назывался «Труд и свет».

Посоветовались с Васей Алексеевым и вывесили на стене лозунг: «Бытие определяет сознание».

Каково же было наше клубное «бытие»? Мы устраивали лекции на научные и литературные темы, вечера с «туманными картинками», игры.

К этому времени был уже организован Всерайонный совет Нарвско-Петергофской молодёжи. Потом он стал называться Социалистическим союзом молодёжи — в апреле 1917 года.

Конечно, буржуазное Временное правительство с недоверием относилось к этим союзам. Но и мы невзлюбили Временное правительство.

Мы были возмущены тем, что буржуи-министры Временного правительства приказали расстрелять в июле мирную демонстрацию. И вот собрались и написали Керенскому письмо от молодёжи нашего района. Мы, конечно, не очень стеснялись в выражениях и не заботились о том, чтобы в письме были изысканные слова.

Мы писали Керенскому примерно так: «Выражаем своё глубокое презрение тем эсерам и меньшевикам, которые продолжают сожительство с буржуазией и позволяют вести себя на поводу Керенскому. Мы, юноши, наученные горьким опытом своих отцов, знаем, как опасно браться с буржуазией, и заявляем, что страшен будет час, когда мы для спасения революции выйдем на улицы и своими молодыми руками уничтожим тех паразитов, которые живут потом и кровью трудящихся». В конце письма были лозунги: «Долой контрреволюцию!», «Долой смертную казнь!».

Назревали революционные события, и мы с нетерпением ждали того дня, когда сможем расправиться с Керенским и его министрами.

Для этого усиленно занимались военной подготовкой — учились метко стрелять, искусно владеть шашкой, бросать гранаты.

Наступили Октябрьские дни. Отряд, которым я командовал, получил приказ идти на Большую Морскую улицу (ныне улица Герцена). Там, в подвале церкви (ныне Дом культуры работников связи), помещался штаб. В штабе нам велели занять здание Центральной телефонной станции.

Мы хотели проникнуть в здание с набережной реки Мойки. Сначала пробрались на крышу здания ювелирного магазина Фаберже, а оттуда — в помещение Телефонной станции. Бежим по лестнице. Путь преграждает юнкер Павловского пехотного училища. Кто-то из моих товарищей выстрелил. Юнкер упал. Врываемся в главный зал. А там переполох, крики «телефонных барышень».

Оказывается, незадолго до нашего появления станцию занял отряд красногвардейцев.

Потом получили приказ идти на Николаевский вокзал, ныне Московский. И, наконец, к Зимнему дворцу.

Ночь была морозная, дул сильный, пронизывающий ветер. Когда мы подошли к Дворцовой площади, то услышали стрельбу. Из-за поленниц дров в наступающих стреляли юнкера. Вошли в подъезд Эрмитажа. Откуда-то сверху раздался выстрел, наш товарищ, раненный, упал на землю.

Гордость и радость наполнили наши сердца, когда мы в истоптанных, выдавших виды сапогах шагали с винтовками наперевес по паркету царских покоев...

После Октябрьской революции я снова стал принимать активное участие в работе клуба «Труд и свет». Но в него проникло много врагов. Мои отношения с ними крайне обострились. Я пришёл к своему старшему другу и товарищу Михаилу Иванову и рассказал о клубных делах. Товарищ Иванов посоветовал пойти к Ленину и попросить у него помещения для рабочего клуба.

Мы подробно обсуждали, что скажем Владимиру Ильичу. Ведь Ленин — великий вождь революции, учёный. Значит, думали мы, нашу просьбу надо обосновать как-то научно, по-революционному.

И вот один из моих друзей воскликнул:

— Придумал, что сказать Владимиру Ильичу! Надо начать разговор с лозунга — «Мир хижинам, война дворцам!».

Другие согласились с этим. И мы решили сказать Ленину приблизительно следующее: «Мы, рабочая молодёжь, объявили войну дворцам. Мы просим дать нам один из дворцов аристократов под клуб».

Получили удостоверение от завкома Путиловского завода, где было написано: «Сим удостоверяется, что делегация молодёжи Путиловского завода направляется к Владимиру Ильичу Ленину по вопросу организации клуба для молодёжи Нарвской заставы. Просим оказать содействие».

Пришли в Смольный. Бюро пропусков тогда не было. У какого-то красногвардейца спросили, где кабинет Ленина.

Наконец, подошли к комнате, где находился Владимир Ильич. Возле дверей стоял рабочий с винтовкой.

Показываем ему наше удостоверение. Он прочёл внимательно и сказал.

— А, вы — свои!

Часовой оказался слесарем Алексеевым, работавшим на верфи Путиловского завода.

Он зашёл в кабинет Ленина, вернулся и пригласил нас.

Когда мы вошли, Владимир Ильич стоял недалеко от двери. Он с улыбкой встретил нас и сказал:

— Вы путиловцы?

Мы ответили:

— Да.

— А что вы хотите?

Мы начали, перебивая друг друга, рассказывать о цели своего прихода, пытаясь увязать нашу просьбу с лозунгом «Мир хижинам, война дворцам!». Конечно, мы запутались. Ленин это понял и засмеялся.

— Какой же вы дворец хотите?

— А тот, что в Екатерингофском саду.

Ленин подошёл к телефону и позвонил. Пришёл человек небольшого роста, с бородкой — Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома.

Ленин обратился к нему:

— Скажите, пожалуйста, подойдёт ли помещение Екатерингофского дворца для молодёжного клуба?

Бонч-Бруевич ответил, что дворец очень старый, деревянный и в нём легко может возникнуть пожар.

Тогда кто-то из нашей компании указал на меня и сказал:

— Он у нас старый поджигатель. В февральские дни полицейский участок поджёг.

Владимир Ильич поинтересовался:

— А вы, товарищи, в революции участвовали?

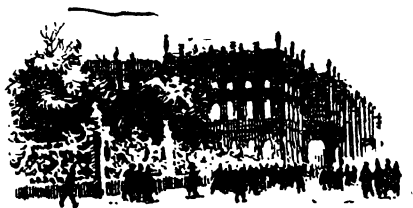
— Да, мы из отряда, который занимал Телефонную станцию и Зимний дворец.

— А вы знаете что, — быстро проговорил Ленин, — давайте займём помещение в Зимнем дворце.

Бонч-Бруевич принял это предложение довольно холодно, но Ленин продолжал:

— Напишите коменданту дворца, чтобы выделили путиловцам помещение под клуб.

Мы спросили Ленина, когда получим нужную бумагу, Владимир Ильич ответил:

— Сейчас!

Тогда мы попросили Владимира Ильича, чтобы он указал нам человека, который помог бы организовать клуб.

— Обратитесь к товарищу Богданову, — посоветовал нам Владимир Ильич. — Он вам поможет.

Бонч-Бруевич дал адрес Богданова, известного философа и врача, и мы отправились к нему на Конюшенную площадь.

На другой день пошли к коменданту Зимнего дворца и предъявили ему мандат на право занятия помещения под клуб. Комендант встретил нас приветливо. Он вызвал бывшего николаевского солдата, служителя дворца, и велел нас проводить в Андреевский зал. Служитель подозрительно покосился на нашу обувь, велел надеть матерчатые чуваки, и мы отправились.

Под клуб мы получили Андреевский и соседний с ним зал и 10 комнат.

Рабочий клуб, да ещё в Зимнем дворце, рассуждали мы, конечно, должен иметь вывеску. Но заказать её не могли, так как у нас не было денег. В тот же вечер, придя домой, я взял две простыни, сшил их, натянул на деревянную раму. Посредине краской написал: «Клуб молодёжи».

Вход в клуб был со стороны садика, прилегающего ко дворцу. Сквер ограждала высокая решётка с двуглавыми царскими орлами. Вход нам показался уж очень не пролетарским. И вот мы раздобыли гипсовую скульптуру великого русского писателя-демократа Радищева и установили её возле решётки. Мы были очень рады, что скульптура писателя, который боролся с самодержавием, стоит возле царского дворца!

В состав правления клуба избрали самих себя. Обратились к товарищу Столянскому — архитектору и историку, которого хорошо знал Владимир Ильич Ленин, и

пригласили его прийти в клуб. Столпянский читал нам лекции по истории Зимнего дворца, по истории нашего города.

На литературные вечера приезжал знаменитый русский поэт Александр Блок. Он читал свои стихи. Многие из них мы не понимали, особенно те, где говорилось о «вуалях», «очарованных берегах», «утончённости мечты». Но нам очень нравилась его поэма «Двенадцать», в которой воспевалась революция.

Однажды кто-то подал мысль, что в клубе надо организовать буфет и общежитие для иногородних гостей. Общежитие мы быстро устроили в подвале. Гостям из Петрозаводска, Мурманска, с Урала очень понравилось общежитие в подвале Зимнего дворца. Но больше всего по душе им пришёлся буфет. Ведь время было голодное, продуктов не хватало. А для нашего клубного буфета балтийские моряки отпускали хлеб, а рабочие одной фабрики снабжали нас монпансье.

Как-то в буфете состоялся огромный пир. Моряки прислали нам конину, и наши повара приготовили из неё очень вкусное жаркое.

Но скоро мне пришлось расстаться с клубом. В феврале в клуб приехала группа военных моряков из Мурманска. Моряки попросили нас помочь молодёжи организовать работу в Северном флоте. Они рассказали, что на флотскую молодёжь большое влияние оказывают гардемаринны — сынки помещиков и капиталистов. На собрании решили меня и ещё двух товарищей отправить в Мурманск.

И вот в феврале 1918 года я приехал в Мурманск для организации Союза молодёжи Северного флота.

Кандидат медицинских наук

П. В. ТОЛСТОВ,

участник Февральской и Октябрьской революций,
бывший путиловский рабочий

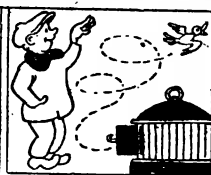
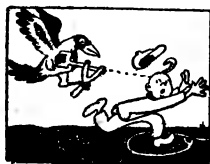

25 ЛЕТ назад в «Ленинских искрах» был напечатан рисунок деткора Коли Зверева, а в 1945 году он стал одним из художников, оформлявших газету. Многим из вас, наверное, знаком «почерк» Николая Николаевича Зверева, его забавные карикатуры. Это из-под его пера 11 лет назад вышел на страницы «Ленинских искр» хорошо знакомый вам Сенья Оплошкин — добрый и весёлый, но неудачливый вихрастый мальчуган.

Н. Н. Зверев много рисует. Карикатуры его печатаются в «Ленинских искрах» и в других ленинградских газетах, в «Боевом карандаше», в журналах «Костёр» и «Крокодил», в «Календаре школьника».

КАК АУКНЕТСЯ, ТАК И ОТКЛИКНЕТСЯ

СЕНЯ „ЗАК“

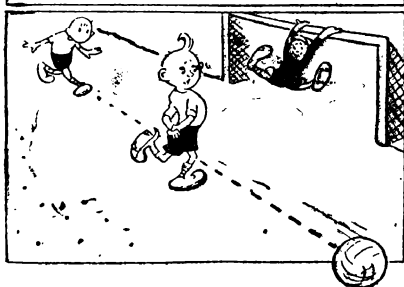
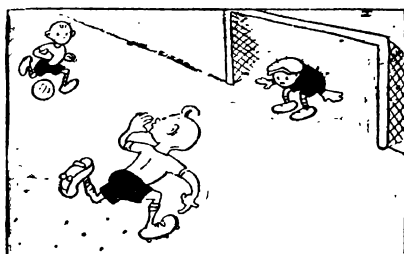
Верный друг
Костров и печек,
Ярый враг
Озёр и речек.

Страшный сон Сени Оплошкина

СПАСОВАЛ...

Сёда Граничка

Рассказы в рисунках
Н. Зверева

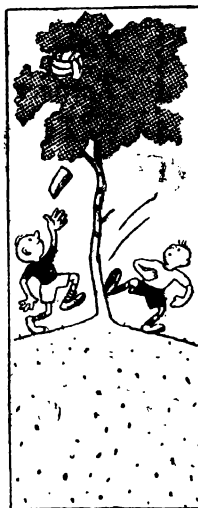

ЛЯЕТСЯ"

ВО ПОЛЕ БЕРЕЗОНЬКА СТОЯЛА

идит Сенья, словно тень:
одоледа Сенью лень.

И. Демьянов

Где язык?

НЕМАЛО дорог исколесил на автомашине в годы войны шофёр Иван Иванович Демьянов. Возил он снаряды подо Ржевом, хлеб Ленинграду по льду Ладоги, потом колесил по извилистым дорогам Кавказа. Там, в кабине военной машины, он и написал своё первое четверостишие:

Каменный,
извилистый берег
И покрытый туманом
Дарьял...
Не на это ли злишься
ты, Терек,
Что от нашей колонны
отстал?

Кончилась война. Солдат Демьянов стал строителем, работал над восстановлением Пулковской обсерватории. В 1950 году вышла первая книга стихов И. Демьянова «Рассвет». Потом новые книжки: «У синих рек», «Молодые сады».

В последние годы Иван Иванович много пишет для детей. Скоро выйдут в свет его первые детские книжки: «Скакалочка», «Петухи» и «Аквариум».

Таня, брови сдвинув строже,
Треплет мех воротника...
— Говорить пальто не может,
Ведь оно без языка!..

Как же мама всё узнала —

Где была я,

Что упала?

И добавила притом:

— «Мне пальто твоё сказало,

Что каталась ты

на нём!»

Треплет Таня воротник:

— Где же там зашит язык?

МАЛЫШИ

У ручья в лесной глуши
Что-то ищут малыши.
Воспитательница с ними
Ходит тропами лесными,
Улыбнулась:

— Лес пройдем —
Всё равно его найдем!.. —
Все гурьбою на поляну.
То за куст, за пень

заглянут,
Вот склонились у дубов...
Только нет ещё грибов,
Ни грибов ещё, ни ягод,
Ни малины у оврагов...
Что же ищут малыши
У ручья в лесной глуши?:
Воспитательница снова
Улыбнулась:

— Ну-ка, Вова,
Брось осматривать кряжи,
Что мы ищем, расскажи. —
Вова встал у старой ели:
— Мы сегодня плохо ели,
Дядя повар был сердит,
Он велел нам, стукнув
ситом,
В лес идти за аппетитом.
Вот и ищем
аппетит!

ПОЧИТАЙТЕ

про Милу и про **МЫЛО**

Мама Милу
С мылом
Мыла.
В глаз попало
Миле
Мыло.
Сколько слёз
У Милы
Было!
Мама Миле
Говорила:
— Не сердись,
Дочурка,
Мила!..
— Не сержусь, —
Сказала Мила, —
Я выплакиваю
Мыло...

(Сказка)

Над болотцем
тихо,
тихо...
В тёплом воздухе парят
Сам
комар.
да комариха,
С ними — туча
комарят!

Комариха
С комаром
говорят:
— Сосчитаем-ка своих
комарят!
— Как же счесть
комарихе
комарят?

ОМ А ЛЫ Ш И

Рисунки
Б. Калаушина

Не поставишь
комарят наших
в ряд.
Насчитала комариха
сорок пар.
Но со счёту комариху
сбил комар.
Насчитала комариха
тысяч пять.
На шестой она
сбивается опять.
Насчитала комариха
тысяч семь.
На восьмой она
запуталась совсем!..
Сам комар их до вечера
считал,
Насчитал
тринадцать тысяч
и устал.

— Закружился,
Замучился
я —
велика
комариная
семья!

РОВЕСНИК ГОРОДА

Рисунки А. Ушина

Огромный, кражистый,
могучий,
Ещё Петром посажен тут,
И, словно грозовые тучи,
Над ним года, века

плывут..
Раскинув молодые ветки,
Мужая, рос он при Петре,
И каждый год свои

пометки
Оставил на его коре.
Поздравить можно дуб-
громаду —
И он справляет юбилей.
Он брат родному

Ленинграду,
С ним вместе прожил
много дней.

Пройдя сквозь бури и
сраженья,

Стоит он, гордый исполин.
Я славлю город в день
рожденья

И дуб, что вырос вместе
с ним.

Владимир **ГОРКИНСКИЙ**,
7-й класс, 94-я школа

ЕДЕТ СОЛНЫШКО

Отшумели февральские вьюги,
С крыш спадая, сосульки
звенят.

На бульваре берёзки-
подруги

О весне меж собой говорят.
А она свои песни запела,
Зашумела на всех площадях,
Принялась за привычное
дело —

Чистить, драить, зимы
не щадя.

Рады ей ленинградские парки,
Зашептались деревья кругом,
И журчат ручейки

из-под арки,
На проспект устремляясь
бегом.

И на стёклах, лучами играя,
Рассыпая искринки вокруг,
Едет солнышко

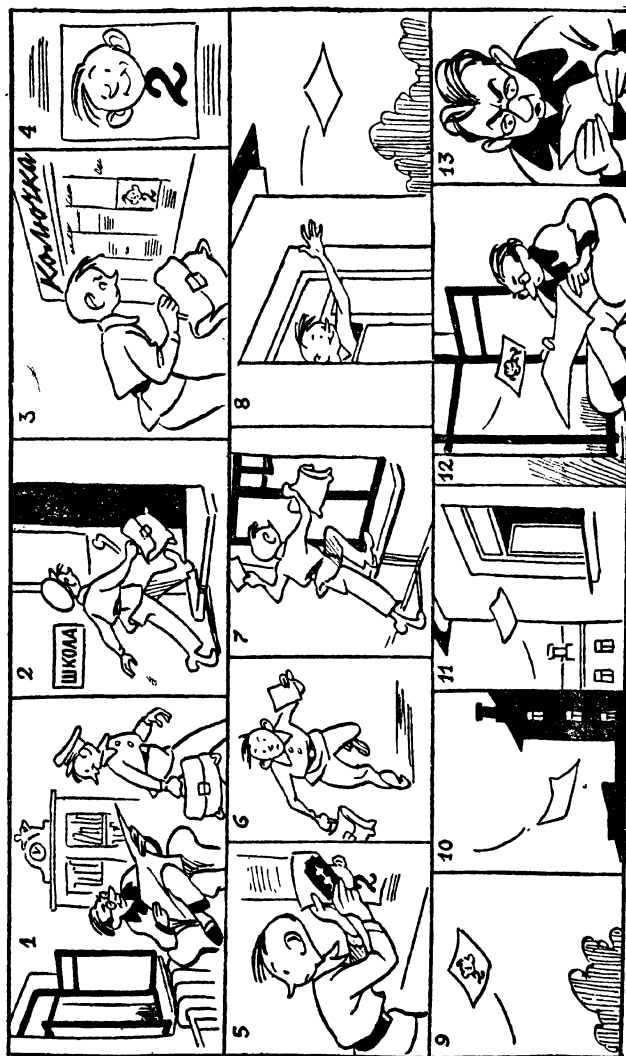
с нами в трамвае,
Тёплый, ласковый,
радостный друг.

Анатолий **ХОРОШ**,
8-й класс, 49-я школа

Из огня да в полымя

(Рассказ в рисунках М. Бекташева)

КОЛЯ ГОЙШИК

ЕСТЬ в Белоруссии, в Брестской области, посёлок Ивацевичи. А в посёлке — улица имени Коли Гойшика.

Кто ж это такой Коля Гойшик, которого обессмертил народ, назвав его именем улицу?

10 февраля 1944 года на комсомольском собрании в лесу, в лагере партизанского отряда имени Алексея Черткова, шестнадцатилетнему подрывнику Коле вручили комсомольский билет.

Коля сказал тогда:

— Я взорву два эшелона с живой силой противника.

И вот 24 апреля 1944 года поздним вечером Коля Гойшик и его напарник Алексей Савощик вышли к железнодорожному полотну недалеко от станции Ивацевичи. Коля нёс деревянную коробочку — противопехотную мину с капсюлем-детонатором, Алексей — пакет с толом, завернутый в тряпку.

Железнодорожное полотно охранялось патрулями. Коля и Алексей залегли в низкорослых соснах.

Около 11 часов вечера послышался стук колёс. Шёл поезд.

— Это мой! — сказал Коля. — Дай-ка тол. Будь здоров!

Он взял у товарища пакет с толом и пополз к полотну.

Коля понял, что не успеет заложить мину. Он прижал коробочку с детонатором к пакету с толом. Когда паровоз оказался рядом, сорвал чеку детонатора и бросился под паровоз.

Коля не видел, как летели с рельсов, вставая на дыбы, паровоз и шестнадцать вагонов, как неистово кричали фашисты, погибая под обломками. Колю отбросило взрывом и прижало к земле.

Так погиб шестнадцатилетний партизан-комсомолец Коля Гойшик, один из сотен тысяч юношей и девушек героического отряда, имя которому — Комсомол.

О короткой, но славной жизни кавалера ордена Отечественной войны 1-й степени Коли Гойшика, о подвигах его и его товарищей рассказывает в своей повести ленинградский писатель Илья Туричин.

В этом номере «Искорки» мы начинаем печатать главы из повести.

НЕДРЕМЛЮЩИЙ ЛЕС

Главы из повести

Рисунки Ю. Лобачёва

Тайник

С КВОЗЬ дрему Коля услышал шорох. Кто-то тихонько, как мышь, скрёб оконное стекло. Коля бесшумно спустил ноги с постели, — только бы не проснулась мать! Взял в руки пиджак и ботинки и босой, на носках, пошёл к двери. Скрипнули половицы. Проснётся мать — и всё пропало! Вот и дверь. Медленно открыл её. Замер на секунду... «И что он всё скребёт и скребёт!..» Коля пошёл через сени, вытянув руки вперёд, чтобы случайно не опрокинуть чего. Поднял засов. Выскользнул на улицу.

— Володька, ты?

— Я.

— Тише...

— Я скребу, скребу, а ты не откликаешься.

— «Скребу, скребу», — передразнил Коля. — Ты бы ещё постучал по стеклу!.. Чуть мать не разбудил.

Коля надел пиджак и наклонился, возясь с ботинками. Володька нетерпеливо переступал с ноги на ногу, как застоявшаяся лошадь.

На страницах «Ленинских искр» часто можно прочесть рассказы, пьесы, очерки и стихи писателя Ильи Ефимовича Туричина, который в течение ряда лет активно сотрудничает в газете. Многие ребята, наверное, смотрели в Тюзе пьесу Туричина «К морю», а также читали сборник его рассказов «Марка».

— Ну, чего ты там ко-
паешься?

— Шнурок оборвался...
Всё! — Коля выпрямился. —
Пошли!

Они бесшумно выскользнули
на дорогу, пересекли её и молча
деинулись по тропе в сторону
леса.

В безоблачном небе, как за-
говорщики заговорщикам, под-
мигивали звёзды. Голубой, не-
много ущерблённый диск луны
висел над лесом.

— Ишь, сияет! — недовольно сказал Володька.

— Пускай...

— А увидят?

— Кто?

— Фрицы.

— Не увидят. Они на ночь прячутся. Боятся. Про-
шлой ночью возле Ивацевичей троих пристукнули. Топо-
рами.

— Бреешь!

— Была охота!..

— Это кто ж тебе сказал?

— Сказали... — неопределённо буркнул Коля.

Некоторое время мальчишки шли молча, напряжённо
поглядывая по сторонам. Потом Володька сказал:

— А всё-таки без луны лучше.

— Конечно, — согласился Коля.

Володька приходился Коле двоюродным братом и
жил в соседней деревне Серадово. Был он старше на два
года и выше на добрых полголовы. От его долговязой
фигуры в кепке по траве бежала длинная тень на тон-
ких, как жерди, ногах.

— А они когда придут?

— Кто?

— Да эти... Которые к вам приходили.

— Не знаю. — Коля перешёл на шёпот. — Они лю-
дей собирают в отряд. Фрицев бить. Они им покою не
дадут. Так и сказали: истребить всех до одного!

— И правильно. Фрицы Затишье сожгли. Знаешь,
хутор в лесу?

— Знаю.

— Там их продовольственную команду обстреляли.

— Кто?

— А кто ж знает! Люди. Вроде тех, что к вам заходили. А фрицы через два дня на машинах приехали днём. Всех в дом согнали и подожгли.

— С народом?

— С народом.

— Ах, гады!.. — Коля скрипнул зубами. — Я бы их всех... из пулемёта!

— Тише!..

Мальчики замерли. Рядом в лесу крикнула какая-то ночная птица. Что-то прошуршало в траве.

— Пошли! — сказал Володька.

Они вошли в лес. В лица сразу пахнуло болотной влагой. Под ногами захлюпало. Лес, исчерченный голубыми и чёрными полосами, казался сказочным. Стало как-то не по себе и немного жутковато. Но дело, которое затеяли ребята, было таким необыкновенным и важным, что перед ним мелкими и ничтожными казались ночные страхи. Однако шли лесом молча и настороженно.

Болото кончилось. Прошли мимо строя голубых бёрез и углубились в ельник.

— Погоди-ка, — остановился Володька. — Старые вырубки — справа?

— Вроде, справа.

— Сколько раз побываешь на одном месте, а ночью придёшь — оно будто другое.

— Это лесий всё меняет, — сказал Коля.

— Тихо ты... — рассердился Володька. — Накличешь ещё! Разве можно в лесу нечистую силу поминать!..

И Володька на всякий случай перекрестился.

Собственно говоря, они оба не верили ни в какую нечистую силу. Но таким непривычным, таинственным выглядел лес. Так призрачны были полосы лунного света, окрасившие и

траву и мох в бледно-голубой цвет! Такими бездонными провалами в пустоту казались сгустившиеся тени елового подлеска! Невольно в голову приходили мысли о сказочных коварных хозяевах леса — леших, лесовиках и ведьмах, что живут в избушках на курьих ножках.

— Сюда, — сказал Володька и, преодолевая страх, нырнул в тёмный колючий ельник. Коля последовал за ним. Ветви, будто лапы, били по лицу, хватали за плечи. Коля заслонил глаза локтем и продирался сквозь ельник вслепую, вслушиваясь в треск ветвей впереди, где шёл Володька.

Но вот треск прекратился, и Коля чуть не налетел сзади на товарища.

Они вышли на небольшую круглую полянку. Володька постоял несколько секунд, оглядываясь по сторонам, и решительно двинулся вправо, вдоль ельника, внимательно вглядываясь в деревья.

— Здесь! Днём бы я сразу нашёл...

Он наклонился, ухватился за траву и потянул её к себе, будто хотел вырвать с корнем. Трава легко поддавалась вместе с квадратом земли.

— Снимай дёрн!

Коля стал помогать Володьке. Через полминуты под ёлкой обнаружился тайник, выложенный досками. В нём что-то блеснуло. Коля сунул руку и нащупал холодные металлические цилиндрики.

— Патроны, — уверенно сказал он.

— Точно. — Володька вздохнул. — Тут их сотни четыре. А ещё две винтовки, пистолет, штык и две гранаты.

Коля сидел на корточках, сунув руку в грудупатронов и перебирая пальцами. Патроны тоненько побрякивали. Коля был не в силах оторваться от этого немислимого богатства. Только в таком сказочном лесу могло быть скрыто такое сказочное сокровище! У мальчика даже дух захватило.

— Это ты... ты... сам... понабирал?

— А то нет? — протянул Володька, довольный произведённым впечатлением.

С первого дня войны бродил он по окрестным дорогам, тропкам, опушкам, собирая брошенные патроны. У него не было никакой определённой цели. Он просто подбирал их и тащил в устроенный здесь, в лесу, тайник. Да и какой мальчишка на его месте отказался бы от такого богатства, которое само так и плыло в руки! Потом Володька нашёл винтовку. Она лежала в придорожной канаве, рядом с воронкой от авиабомбы. Может быть, хозяина этой винтовки ранило или убило. Его унесли, а винтовка осталась. И ржавчина ещё не успела тронуть её. С величайшей предосторожностью перетащил Володька винтовку к своему заветному тайнику. Тайник пришлось расширить. Ах, как хотелось Володьке пальнуть из винтовки хоть разок! Но кто знает, кого привлечёт выстрел в лесу?! Идёт война. Кругом враги.

И Володька, скрепя сердце, спрятал винтовку до лучших времён.

Ему баснословно везло. Через несколько дней он нашёл ещё одну винтовку, потом штык, плоский и острый, как кинжал, с желобками по бокам. Потом гранаты и, наконец, пистолет. Великолепный пистолет, блестящий и чёрный, как вороново крыло. Такого богатства не было и нет ни у одного мальчишки от океана до океана!

А позавчера Колька рассказал ему про людей, что приходили ночью в избу Гайшиков. Одного звали Мартын, другого Алексей. Они сколачивают отряд, чтобы бить фашистов.

Целый день Володька просидел у своего тайника, перебирая сверкающие золотом патроны, глядя холодные, строгие стволы винтовок. Сидел и думал.

А на следующий день утром он пришёл к Гайшикам, вызвал Колю в сад и рассказал ему о своём тайнике. После завтрака в деталях была разработана боевая операция.

Когда наступила темнота, Коля взял лопату, потихоньку пробрался за сарай и среди увядшей картофельной ботвы вырыл яму. Обложил её изнутри хворостом, принесённым «на дрова», и с нетерпением стал ждать ночи.

И вот они с Володькой сидят на корточках и перебирают руками бряцающие патроны.

— Всё зараз не захватить, — сказал Володька.

— Захватим.

— Не, попасться можно. Лучше понемногу переносим.

За две ночи. Кто попадёт к фрицам с оружием — тому расстрел на месте.

— Мы ж маленькие!..

— А для них всё едино. Разбираться не станут. Шлёпнут и дело с концом. Я винтовку в штаны суну.

Володька взял винтовку и сунул её в штаны стволом вниз.

— Не заряжена? А то ка-ак пальнёт по ногам!..

— Не... Заметно?

— Маленько оттопыривает, — озабоченно сказал Коля.

— Маленько — это ничего. Тоже ведь не соломинка, не спрячешь. Набивай карманы патронами!

Коля снова присел на корточки, запустил обе руки в патроны, захватил полные горсти и начал набивать ими карманы штанов и пиджака. Скоро карманы оттопырились. Колина тень заметно потолстела.

Осторожно, стараясь не брякать патронами, мальчики направились той же тропкой в обратный путь. Всё обошлось благополучно. Винтовка и патроны были уложены в заранее приготовленную яму и прикрыты хворостом. Сверху ребята насыпали земли и накидали вялую картофельную ботву. Картофель давно уже начали копать, огород кое-где изрыли, и новый тайник был неприметен.

В эту ночь ребята ещё раз сходили в лес и с теми же предосторожностями перенесли на огород обе гранаты — круглые и тяжёлые, с изрезанными на ромбики поверхностями, пистолет и немного патронов.

Под утро друзья распрощались. Коля осторожно прокрался домой. Сняв во дворе намокшие ботинки, сунул их за печку, чтобы подсохли и не бросались в глаза, лёг в постель и тотчас уснул.

Так в доме никто и не узнал, что за сараем, в тайнике, спрятано оружие.

Незванные гости

УТРОМ Колю разбудили голоса. Мать и отец тихо разговаривали. Значит, отец пришёл из Ивацевичей. Коля повернул голову, попробовал открыть глаза, но тотчас же плотно их зажмурил. В лицо ударили ослепительно яркие лучи солнца.

Коля не выспался после этой тревожной ночи. Не хотелось открывать глаз, вставать, двигаться.

«Полежу ещё, — решил он, — разбудят».

Заскрипели половицы. Шаги тяжёлые. Это отец ходит из угла в угол.

— Такая жизнь — не приведи бог! Рыщут по всему посёлку, ищут большевиков, красноармейцев. Грабят, что под руку попадёт. Поймали милиционера, знаешь, рябой такой, у него жена библиотечаршей работала в школе. Повесили... Возле «Культорга»... Наган у него нашли... —

Снова слышны только тяжёлые шаги. — Немцы войта своего над районом поставили. Полицейского коменданта с собой привезли. Негребецкий — фамилия. Бывший. Из беляков. Видал я его. Ну, рожка! Глазки маленькие, и всё на месте не стоят, всё шмыгают тудой-судой. И где они нечисть такую пораскапывали?

Мать спросила:

— А наших побачил?

— Побачил. С Мартыном говорил. В лес уходят. Их уже человек двадцать, а то и поболее будет. «Гитлер, — говорит, — советскую власть рушит, а мы её обратно поставим. Поглядим, кто сильнее? Гитлер, — говорит, — на штыках, а мы — на ногах. На ногах-то оно покрепче стоять». Видать, Ольга, придётся и нам в лес подаваться.

Мать вздохнула:

— Хозяйства жаль.

— Хозяйства! — зло сказал отец. — При Гитлере не похозяйнинешь! Всё едино — разграбят да по миру пустят... Нет, без советской власти нам не жить!

Мать снова вздохнула:

— Понимаю. А всё ж хозяйства жалко.

— Конечно, душа болит, — тихо согласился отец.

— А я что? Я пойду... В лес пойду, в болота. Только вот ребятишки...

— И ребят с собой заберём. В лесу жить будем.

У Коли ёкнуло сердце. Так вот какое удивительное приключение приготовила ему судьба. Он будет жить в лесу. Вместе с отцом, вместе с Мартыном и Алексеем, что

приходили к ним к избу. У них будут винтовки и пистолеты, и они будут драться с фашистами. Может быть, и ему, Коле, дадут винтовку. Нет, лучше пистолет. Винтовка тяжёлая и большая, чуть ли не больше самого Коли. А, может быть, есть маленькие винтовки? Ведь видел же он маленькие велосипеды-недомерки! Может, для него подыщут винтовку-недомерок? Впрочем, он готов таскать на себе хоть пушку, только бы дали.

Сон пропал. Коля потянулся и открыл глаза.

— Проснулся? — Отец подошёл, посмотрел на Колю и щёлкнул его по лбу. Щелчок был чувствительным, но Коля не обиделся.

— Вставай, лежебока! — засмеялся отец.

Коля сел в постели.

— Батя, а батя, а в лес скоро пойдём?

Отец нахмурился, брови его сошлись над переносицей, между ними легла глубокая сердитая складка.

— В какой лес?

— А где жить будем.

— Кто тебе такое сказал?

— Ты мамке говорил, я слышал.

— Та-ак... Вот что, сынок, — отец присел на край постели и обнял Колю за плечи. — Ты уж не малютка какой, во всём разбираться пора. Война идёт. Чувешь? Иной раз человек за лишнее слово головой платится. И не глядят, велик он или мал. Разумеешь?..

Коля кивнул.

— Так что держи язык за зубами, сынок. Кто бы о чём ни спросил — молчи. Говори, не знаю, мол. Разумеешь? К нам люди приходят, а ты их не видал, о чём говорят — не слышал. И знать ты их не знаешь. Разумеешь?

— Разумею, — тихо ответил Коля.

— Вот так. И насчёт леса — ни гу-гу... Время придёт — снимемся и пойдём... Война, сынок... — отец вздохнул и поднялся. — Вставай, принеси-ка воды, помоги матери.

Коля вскочил с постели, быстро оделся и, схватив ведра, направился к двери...

— Босиком не ходи. Роса нонче холодная.

— Ничего...

— Надень башмаки, кому говорю! — прикрикнула мать.

Коля поставил вёдра. Подошёл к печи, вытащил ботинки и с трудом натянул их на босые ноги. Ботинки были тёплые, но ещё сырые.

— И где ты их так заляпать умудрился? — проворчала мать.

Коля схватил вёдра и быстро шмыгнул на улицу, чтобы не пришлось давать объяснений.

Всё вокруг было залито солнцем. В траве сверкали капельки росы, будто кто набросал маленьких стёклышек.

Розоватые яблоки на гнувшихся к земле зелёных ветвях запотели. Проведёшь по яблоку пальцем — и останется тёмная влажная полоска.

Коля, держа оба ведра в одной руке, открыл калитку, вышел на дорогу, да так и замер. В центре деревни, на большом просёлке, стояло несколько машин. А по полевой дороге, что ведёт к дому Гайшиков, шагали немецкие солдаты в серых мундирах и круглых касках и полицейские с чёрными повязками на рукавах. Впереди шёл, размахивая руками, кто-то знакомый. Кто — Коля не успел разглядеть.

В одно мгновение перекинул он вёдра в сад, повернулся и опрометью бросился в избу.

— Фрицы идут!.. К нам!.. — крикнул он с порога.

Отец подбежал к окну. Мать уронила чугунок с картошкой. Картофелины бесшумно раскатились по полу.

Отец отошёл от окна.

— Вроде, верно, к нам. — Он наступил на картофелину, поскользнулся. — А, чёрт! Убирайте быстро — и за стол. Как ничего не случилось.

Ольга Андреевна и Коля бросились подбирать картофель. Отец оглядел избу. Подошёл к образам, висящим в углу. Встал на лавочку. Чиркнул спичку. Поднёс к лампаде. Давно не зажигавшаяся лампада зачадилась. Отец поправил пальцами фитиль, отёр рукавом пыль с икон святых.

Мать подбирала картофелины, и руки её дрожали. Отец соскочил с лавки, подхватил горячий чугунок и быстро поставил его на стол. Сел.

— Садитесь. Ешьте!

Мать и Коля уселись.

Коля взял картофелину и начал чистить. Картофелина была горячая, обжигала пальцы, но Коля не замечал этого. Он вспомнил про оружие и патроны, зарытые за сараем, и почувствовал, как вдруг похолодели руки и ноги и сердце забилося часто-часто.

В сенях слышались тяжёлые шаги. В дверь постучали и тотчас открыли. На пороге стоял Козич, за спиной его — двое немцев с автоматами.

Козич оглядел избу водянистыми добрыми глазами. Увидел горящую лампадку под образами. Снял шапку, обнажив розовую лысину, окружённую реденькими пепельными волосами, набожно перекрестился.

— Доброго ренчку! — ласково сказал он. — Принимай гостей, Василь Демьянович.

У отца дрогнули губы. Он встал.

— Милости просим! Сидайте к столу. Не побрезгуйте хлебом-солью. Мать, тащи сало и горилку.

Ольга Андреевна встала из-за стола и направилась к сениям.

Один из солдат, большой и широкоплечий, встал в дверях, расставив ноги, и загородил ей проход. Ольга Андреевна остановилась.

Козич сказал второму немцу с белыми лычками на погонах, — видимо, начальнику:

— Она идёт за водкой, пан офицер. Самогон. Шнапс. Сало.

— О-о-о... Са-мо-гон, — осклабился немец с лычками. — Самогон гут. Хо-рс-шо...

Он махнул солдату в дверях. Тот посторонился, и Ольга Андреевна вышла в сени.

Немец с лычками прогрохотал по полу коваными сапогами. Сел за стол. Снял каску, положил рядом с собой на лавку, зажал между коленями автомат. В избу вошли ещё один солдат и двое полицейских.

Немец с лычками ткнул пальцем с большим чёрным ногтем в грудь Василия Демьяновича.

— Большевик?

Отец замотал головой:

— Что вы, пан офицер!.. Вот истинный крест, — он перекрестился на образа.

— Бога не забываешь — это хорошо, — ласково пропел Козич.

— А где есть большевик? — спросил немец.

Василий Демьянович пожал плечами.

— У нас, пан офицер, в селе большевиков нет. Вот хоть у него спросите, — он кивнул на Козича.

Козич посмотрел на Василия Демьяновича, ласково щуря подслеповатые глаза, затряс головой и пропел:

— Наше село — честное, пан офицер. У нас большевиков нет. А пану Гайшику то доподлинно известно. Он тут был нашим председателем местной власти. Сельский совет.

— Со-вет? — грозно переспросил немец.

Василий Демьянович поблел. Коля видел, как дрогнул кадык на горле отца, будто отец поперхнулся.

— Вы же сами, пан Козич, меня выбирали. Я не на-прашивался, — сказал он хрипло.

Козич отвёл глаза, шевельнул бровями, лицо его расплылось в улыбке:

— То так, пан офицер. Уж лучше выбрать своего брата-мужика, чем, не приведи бог, большевика, антихриста какого-нибудь себе на шею посадить.

Из сеней вернулась мать с бутылью самогона и шматком сала, завёрнутым в белую тряпицу.

Солдаты и полицейские оживились. Отец поставил на стол стаканы. Разлил самогон. Мать нарезала сало.

— Милости прошу!

Немец с лычками встал:

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! — повторили остальные.

— А тебе бы, Василёк, громче всех кричать, — сказал Козич тихонько, прямо в ухо Василию Демьяновичу, и тоненько хихикнул.

(Продолжение следует)

БЫВАЕТ И ТАК...

ОДИН из известных петербургских шашистов Александр Николаевич Пель славился тем, что знал наизусть почти все партии, иггранные мастерами того времени. Обладая замечательной памятью, он мог безошибочно показать игру мастеров в той или иной позиции.

Однажды его товарищ Василий Васильевич Локотьянов, игравший партию по переписке, спросил Пеля, как играли мастера в таком-то положении. Пель ответил:

— Каулен в этой позиции разменялся вперёд.

Локотьянов в тот же день послал своему противнику указанный ход и сразу же проиграл партию.

На следующий день, огорчённый и раздосадованный, он снова пришёл к Пелю.

— Что вы со мной сделали! — жаловался Локотьянов. — Ведь я же проиграл партию.

Пель ответил:

— Ничего удивительного. Каулен тоже проиграл.

ПЕСЕНКА ДРУЗЬЯМ

Слова П. Кагановой
Музыка В. Витлина

2

Лиловые, и синие,
И красные цветы.
Их вырастили сами —
И я, и он, и ты.
Красивые букеты
Подарим мы друзьям,
И все друзья за это
Спасибо скажут нам!

3

Свети на небе, солнышко,
Весёлый ветер, вей, —
Мы выпустим сегодня
Крылатых голубей.
Пускай в потоках света
Они летят к друзьям,
И все друзья за это
Спасибо скажут нам!

4

Гостей со всей планеты
Встречает Ленинград.
И песни фестивальные
Над городом звенят.
Мы дружбы эстафету
Несём своим друзьям,
И все друзья за это
Спасибо скажут нам!

Ноты на 2-й странице обложки

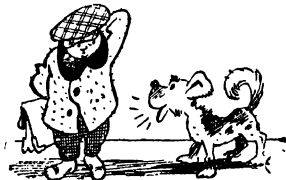

ЁЖИКОВЫ ЗАБАВКИ

ДВА ГЕРОЯ

УСТУПИЛ Генка бабуся в трамвае место. После этого всем встречным и поперечным стал о своём подвиге рассказывать.

Мимо как раз собака бежала. Услышала Генкину хвастливую речь и так ею возмущалась, что даже заговорила человеческим голосом.

— Бррратец! — рычит. — Я ведь тоже сегодня геррроиня. Мои портреты надо на улицах вывесить! Ведь я могла тебе сейчас штаны ррраз... разорррвать, а видишь — не рзуй!

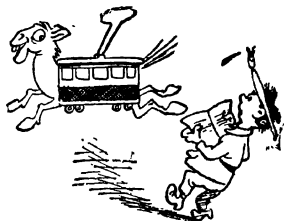
С тех пор Генка, завидев собак, прерывает рассказ о своём знаменитом подвиге. Стесняется.

ЛОШАДЬ ПО ИМЕНИ ТРАМВАЙ

ЛЮБИЛ Костя Петров списывать у соседа по парте. Тот терпел, терпел, а однажды на сочинении сам подвинул к Косте тетрадь. Второпях «скатал» Костя текст, сдал работу учителю, сидит довольный-предовольный.

На следующий день читает учитель классу Костино сочинение. Оно кончалось так:

«У римского императора Константина Петрова была ло-

шадь по имени Трамвай. Она бегала по классу и кричала: «Дай списать!» И не стыдно тебе, Костя, так относиться к учению?»

БОЛЬШЕ НЕ БУДУ

ТАКОЙ присказкой часто пользовался Федя:

— Больше не бу-у-ду...

Надоело это ребятам, решили его проучить. Притащили на совет отряда учёного попугая. Спрашивают Федю:

— Опять мух на урокеловишь?

— Больше не бу-у-ду...

— Снова соседа линейкой по лбу щёлкаешь?

— Больше не бу-у-ду...

— По-прежнему себя умным человеком считаешь?

— Больше не буду!

На последний вопрос за растерявшегося Федю бойко ответил попугай.

Рисунки Н. Зверева

Фельетон

МАЯТНИК часов, как известно, двигается то влево, то вправо. Стоило Лисичкину вбежать в школьный коридор, как он, словно маятник, сначала двигался влево — в кабинет врача, за освобождением от уроков, а через несколько секунд выскакивал оттуда, красный как рак, и устремлялся вправо — в класс.

Разумеется, подобное движение он совершал тогда, когда не было приготовлено домашнее задание. А домашнее задание он не готовил столько раз, сколько дней в неделе.

И вот совсем недавно произошло чудесное исцеление Лисичкина. Вылечила его школьный врач Нонна Петровна, милая добрая женщина, которой надоед симулянт. Она попросила нас предать гласности метод её лечения.

...За несколько минут до начала урока Лисичкин, как всегда, помчался влево — в кабинет врача. Придав своему плутоватому лицу страдальческое выражение, отчего оно по-стариковски сморщилось, он простонал:

— Заболел, Нонна Петровна.

— Что у тебя болит?

Лисичкин, вспомнив уроки анатомии, стал перечислять:

— Большая берцовая кость, лобная, четвёртое ребро... Этого ему показалось мало и, схватившись за грудь и закатив глаза, он прошептал:

— Сердце вот-вот взорвётся.

Нонна Петровна велела ему раздеться до пояса, поспешно достала фонендоскоп, сунула концы трубок в уши, а металлический кружок приложила к груди мальчика:

— Дыши глубже... Кашляй... Не дыши...

Потом, словно не доверяя фонендоскопу, приложила ухо к грудной клетке пациента.

Закончив осмотр, доктор сокрушённо покачала головой:

— Ты действительно очень болен.

Лисичкин скрыл изумление и сказал:

— Значит, вы дадите мне освобождение?

— Тебе необходим постельный режим. — И Нонна Петровна, не дав опомниться ошеломлённому пациенту, уложила его на диван и накрыла белой простынёй.

Врач вышла из кабинета и через несколько минут вернулась в сопровождении школьных сандружинниц.

Одной девочке она велела дать Лисичкину пятнадцать капель аква дистиллята. «Ничего, подходящая микстура — эта аква. Только бы не дали противного рыбьего жира», — подумал больной.

— Согревающий компресс на шею! — приказала доктор.

Спустя некоторое время, она спросила:

— Легче?

— Не-е-т.

— Поставить грелку на живот!

Скоро Нонна Петровна снова осведомилась:

— Утихли боли?

— Не-е-т... Ой, сейчас взорвётся сердце! — тянул больной.

— Сделать массаж нижних конечностей! — последовало указание доктора.

Первые школьные силачи усердно взялись за дело. Они неистово тёрли ноги Лисичкина, а он с грелкой на животе, с громадным компрессом на шее, с мокрой тряпкой на лбу уморительно катался по дивану.

Сандружинницы, выполняя назначение врача, каждые десять минут вливали ему в рот акву дистилляту.

В разгар этих процедур Нонна Петровна притворно участливым голосом спросила:

— Ну, как?

Лисичкин, полужакрыв глаза, жалобно стонал — он решил продержаться до конца урока химии.

Нонна Петровна решительными шагами подошла к шкафу, достала бутылочку с рыбьим жиром, встряхнула её.

Лисичкин стал причитать:

— Ох, только не рыбий жир! Дайте лучше акву, от неё мне легче.

Ему дали столовую ложку аквы дистилляты. Лисичкин утих. Бросил испуганный взгляд на рыбий жир и поспешил скорее освободиться от бинтов, ваты, грелки, оттолкнул массажистов, оделся и, исцелённый, поплёлся на урок химии.

Двойку оц, конечно, получил.

— Мне не до отметок, — оправдывался он. — Сегодня чуть сознание не потерял. Помогла аква... как её.. дистиллята. Вот лекарство!

Тут произошёл взрыв — только не сердца Лисичкина, а всеобщего смеха. Ребята-то знали, что аква дистиллята — простая дистиллированная вода.

Рис. М. Бекташева

М а р т

Март... И ветер под солнцем
вешним
Растерял январскую злость.
И в новёхонькие сиворечни
С треском входит последний
гвоздь.

Любопытно солнечным бликам
На тетрадки ребят взглянуть...
До весёлых весенних каникул
Остаётся совсем чуть-чуть.
А на сердце легко и звонко,
И всё явственней слышим мы
Стук капли, как звуки

гонга:

«Пять минут до конца зимы!»

Г ТУМАРИНСОН

Рис. Н. Ляминой

Марк Гуревич
и Владимир Певзнер

НИ ТУДЫ

Школьные

1

Если что-то не выходит,
Если близко до беды,
Говорят у нас в народе:
«Ни туды и ни сюды!»

Взяв припевом фразу эту,
Мы с товарищем вдвоём
Написали вам куплеты
И сейчас их пропойём.

2

С увлечением и пылом
Николай гоняет мяч,
А папашу усадил он
За решение задач.

Только помощь эта Коле —
Бесполезные труды,
Ведь без папы Коля в школе —
Ни туды и ни сюды!

3

Петя хвастается всюду:
«Я родился силачом,
Мне поднять четыре пуда
Абсолютно нипочём!»

...Как-то мама попросила:
— Принеси ведро воды! —
Сразу вся пропала сила —
Ни туды и ни сюды!

4

Держит Боря речь на сборе —
Он речистый звеньевой.
Всех зовёт к работе Боря,
Интересной и живой.

И НИ СЮДЫ

куплеты

Рис. К. Бекташев

Выступает он без счёта,
Голосит на все лады...
А в звене его работа —
Ни туды и ни сюды!

5

По утрам с постели Яшу
Очень трудно поднимать,
И водой должна мамаша
Лежебоку обливать.

Для лентяя очень кстати
Иногда ведро воды,
Ведь иначе он с кровати —
Ни туды и ни сюды!

6

Говорил не раз нам Толя:
«Лучшим я пловцом слыву,
Я умею плавать «кролем»
И Неву переплыву!»

Мы пошли купаться вместе,
Вот доходим до воды.
Смотрим, он застыл на месте —
Ни туды и ни сюды!

7

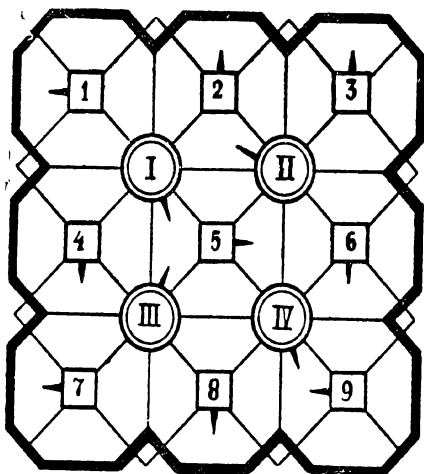
Прочь со сборов сон и скуку,
Им в дружинах места нет,
Звонкий смех тому поручкой,
Пляска, шутка и куплет.

Пусть шагают с бодрой песней
Пионерские ряды,
Ведь без песни, как известно, —
Ни туды и ни сюды!

Цикломозаика

ВОКРУГ каждой цифры по часовой стрелке, начиная с клетки, отмеченной «колышком», впишите девять четырёхбуквенных слов: 1. Жук-дровосек. 2. Чувство меры, умение вести себя в обществе. 3. Садовое растение с крупными розовыми или белыми цветками. 4. Река Предкавказья. 5. Часть корпуса струнного музыкального инструмента, предназначенная для усиления и отражения звука. 6. Озеро в Барабинской степи. 7. Торжественная песнь, принятая как символ государственного единства. 8. Построение войск в виде замкнутого четырёхугольника. 9. Место для стоянки и ремонта трамваев или автобусов.

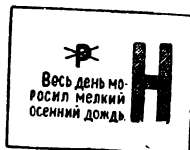
Если вы правильно впишете эти слова, то в четырёх больших квадратах (имеющих в центре кружки) образуются слова по восемь букв в каждом: I. Полуостров на северо-востоке Азии. II. Частая стрельба из пушек. III. Гончарное искусство, производство изделий из глины. IV. Механизм, передающий движение от одной части машины к другой.

ХИТРЫЕ МАЛЮТКИ

ЗДЕСЬ вы видите три ребуса. Это самые маленькие ребусы, какие только могут быть, — в каждом из них зашифровано всего лишь одно слово.

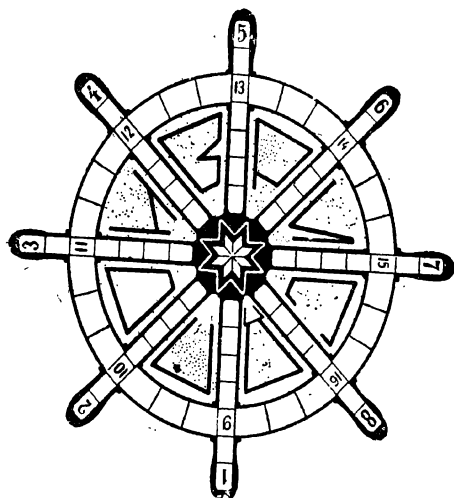
Попробуйте же, однако, разгадать эти ребусы, вы убедитесь, что это далеко не просто: ребусы - малютки очень хитры!..

«Лево на борт!»

Кроссочайнворд

Поворачивая штурвал влево, прочтите слова (по радиусам): 1. Знаменитый русский адмирал. 2. Специальное сооружение для постройки корабля. 3. Надстройка на носу судна. 4. Морское рыболовное судно. 5. Фрегат русского флота, путешестве на котором описал выдающийся русский писатель. 6. Так издавна зовут на Руси мореплавателя. 7. Командующий эскадрой.

8. Судно, предназначенное для перевозки леса. (По кругу): 9. Жилое помещение на судне. 10. Общекорабельная работа. 11. «Не морское» название гребных судов. 12. Кольцевидный коралловый остров. 13. Крупный эскадренный миноносец. 14. Закрытое помещение на мостике или верхней палубе. 15. Сборник географических карт. 16. Корабельное прозвище лодыря...

* * *

В секторах можно прочесть фамилию русского флотоводца, эскадра которого покрыла неуываемой славой русский флаг.

Проверь себя

Ответы по
„Искорке“ № 1

Кроссворд

По горизонтали. 1. Барограф. 5. Умформер. 11. Ку. 12. Электроскоп. 13. Ял. 16. Аден. 17. Стадион. 18. Лото. 21. Ампула. 22. Бон. 23. Грабли. 26. Счётчик. 27. Аргамак. 31. Дровни. 32. Ярд. 33. Белена. 36. Юрта. 37. Верстак. 38. Шило. 41. Ар. 42. Архитектура. 43. Ге. 46. Текстиль. 47. Бригадир.

По вертикали. 1. Бакланган. 2. Ре. 3. Галл. 4. Анкета. 6. Муссон. 7. Осот. 8. Ми. 9. Рапсодия. 10. Предлог. 14. Беспечность. 15. Воображение. 19. Платина. 20. Арбалет. 24. Миф. 25. Юра. 28. Адъютант. 29. Браслет. 30. Барометр. 34. Берилл. 35. Партер. 39. Грот. 40. Круг. 44. Як. 45. Яд.

ЗНАЙ СВОЙ ГОРОД

На 32-й странице первого номера «Искорки» была помещена зарисовка Владимира Сердюкова «Арка «Новой Голландии». Так называется образованный рекой Мойкой и Крюковым каналом треугольный островок, служивший когда-то складом разных материалов морского ведомства. Арка «Новой Голландии» (архитектор Деламот) построена в 1765 году.

СОДЕРЖАНИЕ

Родной Мичик. Передовая статья	1
Товарищ Исаков. Рассказ П. Капицы	2
Комната в Спальном. Стихотворение В. Азарова	9
Из истории пионерской организации. „Пионерская улица“.	
Статья А. Мойжес	10
Пионерские памятные даты	13
Мастер. Поэма Л. Хаустова	14
Плэмба. Юмористический рассказ В. Суслова	19
Рассказы бывалых людей. „Парни с Путиловского“. Вспоминания	
П. Толстова	23
Всебялая страничка. Рассказы в рисунках Н. Зверева	32
Почитайте, малыши! Стихи И. Демьянова: „Где язык“, „У ручья“,	
„Про Милу и про мыло“, „Про комарят“	34
Творчество юных. Стихотворение Владимира Горкинского „Ровес-	
ник города“ и стихотворение Анатолия Хороша „Едет сол-	
нышко“	38
Из огня да в полымя. Рассказ в рисунках М. Бекташева	39
Пионеры-герои. Коля Гойшик	40
Недремлющий лес. Главы из повести И. Турчина	41
Шашки. „Быкает и так...“	53
Песенка друзьям. Слова П. Кагановой к песне В. Виталина. (Ноты	
на 2-й странице обложки)	53
Ежики. „Ежиковы забавки“. М. Бережнов. „Аква дистиллята“	54
Признаки весны. Рисунок М. Бекташева	58
Март. Стихотворение Г. Тумаринсона	59
Ни туды и ни сюды. Школьные куплеты М. Гуревича и В. Певзнера .	60
Клуб смекалистых ребят. Цикломозаика. Хитрые малютки. „Лево	
на борту“. Проверь себя	62

На первой странице обложки — фототюд Г. Сафонова

На второй странице обложки — ноты к песне В. Виталина „Песенка друзьям“. (Слова на 53-й странице).

На третьей и четвертой страницах обложки — рассказы в рисунках К. Бекташева

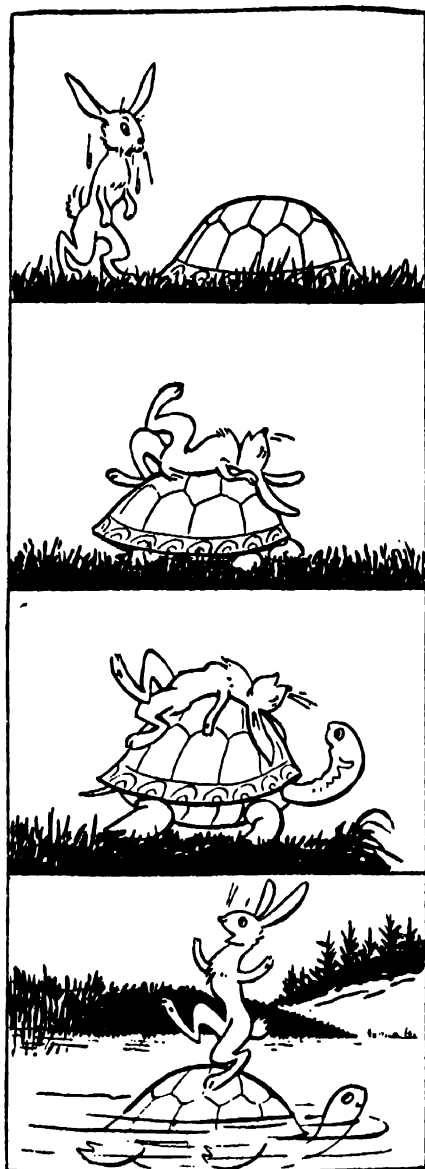
Редактор **М. С. ЗЫКОВА**

Адрес редакции: Ленинград, 23,
Фонтанка, 57. Тел. А-454-90.

Сдано в набор 26/III 1957 г. Подписано к печати 9/IV 1957 г. Тираж 75.000.
Заказ № 440. Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂. М-22075. Цена 1 руб.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

ОТДОХНУЛИ

ПОЖАЛЕЛА!

Рассказы в рисунках К. Бекташева

Цена 1 рубль

БОЛТЛИВЫЕ ПОДРУЖКИ

(Рассказ в рисунках К. Бекташева)

А теперь решайте сами —
Кто, друзья, виновен в том!
Ведь могло случиться с вами
То, что вышло с деревцом.

